

мифопоэтики и истории идей. Москва: РОССПЕН.

Дмитриева, Е.Е. (2020). Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков (1880 – 1930-е годы). Серия «Русская усадьба в мировом контексте, 5. Москва: ИМЛИ РАН.

KONSTANTIN BOLENKO, *State Museum-Estate “Arhangelskoe”*
bolenko.kg@arhangelskoe.su

Received: December 9, 2023.

Accepted: December 9, 2023.

DOI: <https://doi.org/10.30827/meslav.22.29682>

АННОТАЦИЯ

В рецензии кратко освещается содержание монографии, посвященной различным аспектам русского и европейского усадебного текста, точкам пересечения и расхождения между ними. Композиционно работа представляет собой несколько групп тематически связанных очерков, представляющих российскую усадебную историю в европейском контексте, а европейскую – как не только влияющую на Россию, но значимую отмеченную российским присутствием. Один из результатов работы – обнаружение многочисленных, в том числе неожиданных точек пересечения европейской и российской реальной и литературной истории, связанной с усадьбами.

Ключевые слова: усадебный текст, замок, усадебный миф, Россия, Европа.

Автор 5-го выпуска серии «Русская усадьба в мировом контексте» Е.Е. Дмитриева – известный историк литературы, доктор филологических наук и член корреспондент РАН (2022) – еще в конце 1990-х обратилась к изучению феномена русской усадьбы и особенно ее литературной истории и культурной мифологии. С первых же строк она раскрывает генезис своего замысла. Так, после выхода монографии «Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай» (Дмитриева, Купцова, с. 2008) немало людей задавали ей вопрос: «...было ли нечто аналогичное в других культурах? И можно ли говорить об усадебном топосе применительно к европейским литературам, французской, немецкой и проч.?» (Дмитриева, 2020, с. 18). Новая книга рассматривается автором как логичное и естественное продолжение предыдущей. Начав с вопроса о степени своеобразия культурных функций русской усадьбы и русского усадебного мифа, автор почти сразу переходит к основному выводу: «...Работа над этой книгой заставила существенно пересмотреть тезис об уникальности русского усадебного текста. Или, точнее сказать, скорректировать его, найдя целый ряд отличных от него аналогов (оксюморон!), тех точек схождения, пересечения русского усадебного текста с жизнью западноевропейской усадьбы» (Дмитриева, 2020, с. 19). Этот «дисclaimer» оправдан, поскольку требует пояснения структура монографии. Не отрицая определенной уникальности русской дворянской усадьбы, Е.Е. Дмитриева представляет вниманию читателя созвездие из 26 глав-очерков, непростое по внутренней логической и ассоциативной структуре, должное ввести «историю русской усадьбы в контекст западноевропейской, выделяя в том и другом определенные константы» (там же). Зарубежный контекст равен российскому по количеству глав, что неизбежно придает

© Univesidad de Granada. Este trabajo está licenciado bajo una licencia CC BY-SA 4.0.

ему во многом самостоятельный характер. При всех возможных претензиях к нему, такой подход ценен тем, что меняет привычную оптику большинства исследователей российской усадьбы, перефокусируя ее с россицентризма в общеевропейский масштаб и при этом предоставляя читателю возможность самому осваиваться в новой реальности.

Претензий на строгую функциональную типологизацию и логическую последовательность глав в монографии нет (логика переходов от главы к главе изложена во введении), но сама очерковость структуры в рамках разделов и их иллюстративная, по сути, подборка сбалансирована в понятийном и образном отношениях.

Книга состоит из пяти частей: «Русская усадьба: до и после», «Художественные колонии и дачи», «Пространство инициации», «Усадебные стилизации» и «Замок как культурная мифологема и пространство жизнетворчества». Дать обзор всех глав в короткой рецензии, разумеется, нет никакой возможности.

В первом разделе автор подчеркнуто ориентируется на рассмотрение процессов послереволюционного периода. Уже в первой главе, «Семантика, топос и хронос русской усадьбы» переосмыслиется понятие Золотого века русской усадьбы. Акцент сделан на новом подъеме усадьбы, характерном для предреволюционного времени, подъеме именно культурном. И на том, что он и тенденция к упадку и умиранию шли параллельно друг другу.

Этот акцент должен подготовить читателя к тому, что ждет его при чтении последующих глав. В первую очередь, второй, в которой описано, «в каких формах выживала русская усадьба после революции 1917 года». Кроме усилий самих бывших владельцев и представителей усадебного персонала по сохранению усадеб, их интерьеров и коллекций, это были и совместные действия властей предреволюционных и культурной элиты, позволившей спасти часть художественных собраний, а в некоторых усадьбах создать музеи, дома отдыха и даже художественные коммуны. Продолжение усадебной жизни с конца 1920-х гг. автор видит в «попытке реконструирования усадебной жизни и усадебного прошлого уже вне России» и в «мифотворчестве»: «усадьба обретает статус той виртуальной ценности, которая уже более не нуждается в реальной субстанции» (Дмитриева, 2020, сс. 108, 110). Такой взгляд представляется нам сильным упрощением: усадьба сохраняла способность к выживанию также в силу того, что сама по себе задавала определенные доминанты быта и формировала определенные особенности мировосприятия и формы социальности, провоцировала появление локальных изводов усадебного мифа и круга лиц, интересы которых по отношению к усадьбе выходили за рамки голой утилитарности.

Третья глава, посвященная усадьбе Лог, расположенной в бывшем Гдовском уезде Псковской губернии, должна, по-видимому, служить исключением, подтверждающим правило. Действительно, ситуация была уникальной. Хозяйка дома с первого года советской власти проявила немалую гибкость: работала секретарем ревкома, учительствовала... Однако решающим фактором, предотвратившим перепрофилирование дома под какое-нибудь учреждение, оказалось то, что флигель усадебного дома снимала под дачу, а затем приобрела известная писательница М.В. Ямщикова (1872–1959; псевдоним – Ал. Алтаев), отнюдь не оппозиционная к новой власти, вполне успешная и счастливо избежавшая репрессий. Ее заступничество

сыграло немалую роль в сохранении дома за прежними хозяевами. В 1967 г. в Логу был открыт музей Ал. Алтаева. Уникальность этого случая подчеркнута тем, что М.В. Ямщикова оставила воспоминания и эпистолярный, в которых подробно описана жизнь в Логу до середины XX в.

Четвертая и пятая главы – две истории усадебной жизни вне России, Виллы И.А. Бунина в Грассе (Франция) и Сенар (Швейцария) С.В. Рахманинова. Прослежены попытки сохранить российские формы усадебного быта и влияние новых условий на восприятие русской усадебной жизни у Бунина и стремление реализовать «исконную тягу к земле» у С.В. Рахманинова (Дмитриева, 2020, с. 199).

Вторая часть монографии, «Художественные колонии и дачи», почти целиком построена на западноевропейском материале. Сколько-нибудь значимую связь с усадебной темой в России имеют лишь первая и четвертая. «Редхаус прерафаэлитов» (гл. 1) – попытка У. Морриса, одного из поздних представителей кружка, создать в конце 1850-х гг. загородную колонию художников, «идеального дома для идеального сообщества людей, собравшихся вместе, чтобы решать общие творческие задачи» (Дмитриева, 2020: 208). Несмотря на кратковременность, попытка оказала большое влияние на Россию, отозвавшись в экспериментах, предпринятых владельцами Абрамцева, Талашкина, Бёхова, Поленова. Четвертая глава, «Старосветские помещики с Мельницы Вильнёв: Эльза Триоле и Луи Арагон», интересна неожиданным сюжетом о том, как тема усадьбы не только оказалась актуальной в жизни Э. Триоле (в 1950-е гг.), но и неоднократно преломлялась в ее сочинениях и в произведениях ее мужа. Обращение к усадебной жизни и усадебной теме стало способом проживания и воплощения в творчестве неразрывно связанных тем памяти и забвения.

Вторая и третья главы – «В сторону Ворпсведе», тематически продолжающая тему художественных колоний, в данном случае в Германии 1890–1930-х гг., и «Гингеты и Лягушатня: французский паллиатив дачной жизни *belle époque*», вводящая в монографию тему связи дачной жизни и индустрии досуга на примере парижского пригорода Шату. Особенного внимания заслуживает последняя, дающая материал для сравнения феноменов российской и французской дачи.

Композиционно центральное место в монографии занимает третья часть, «Пространство инициации», состоящая из шести глав. Автор искусно выстраивает композицию раздела. Упрощая, можно сказать, что она начинается с инициации интеллектуальной (гл. 1 «Версальский лабиринт: программа самопознания и совершенствования личности (между ландшафтной архитектурой и словом)», посвящает следующую главу инициации эротической («Сады эротической инициации: малый каприз Ж.-Ф. Бастида, парковые забавы принца де Линя и прекраснейший на свете Вёрлиц») и затем переходит теме социальной инициации – обретения себя как самостоятельной личности («Бретонский замок аббата Ламенне, два романа и два не поладивших между собой романиста (Стендаль и герцогиня де Дюра)'). Автор нигде не отказывается от возможности соотнести реальное и литературное, но именно в этой главе сплетение обоих пространств достигает максимальной степени.

Следующие три главы «Таинственная Синтра», «Гетеанум Рудольфа Штейнера в Дорнахе: опыт эзотерической утопии», «И снова поиск священного Грааля: роман Жюльена Граса “Замок Арголь”» посвящены разным изводам инициации мистической

и эзотерической. Отметим собранные автором «архитектурные реплики» португальской Синтры в России, а также факты активного присутствия в Гетеануме россиян.

В четвертой части, «Усадебные стилизации», наибольший интерес, на наш взгляд, представляют «русские» главы: «Две версальские серии Александра Бенуа, два эссе о Версале и балет “Павильон Армиды”: между стилизацией и инициацией» (гл. 2) и «Стилизации усадебных историй Пушкина в литературе Серебряного века» (гл. 3). Особенно первая, воссоздающая формы воплощения версальской темы в разных видах искусства и в искусствоведческой мысли. Возвращение к версальской теме, впервые заявленной в первой главе второй части монографии – одна из многочисленных тематических, сюжетных, фактологических и иных «рифм», постоянно возникающих в монографии и соединяющих части «сложенных вместе пазлов» в «более ими менее цельную картину» (Дмитриева, 2020, с. 29).

Феномен замка, заявленный как ключевой в названии пятой части монографии («Замок как культурная мифологема и пространство житнетворчества»), может сбивать с толку, поскольку четвертая глава «Чтение в усадьбе и культурный метатекст повести И.С. Тургенева “Фауст”» не имеет к ней отношения. Ключевой, если не сказать программной в этом разделе выступает первая глава, «Замки божественного маркиза и их новая жизнь в замке Иер герцогини де Ноай», в которой дан подробный разбор мотива замка в творчестве знаменитого маркиза де Сада как места чувственности, эротического опыта и порока, как эмблемы и потребности завоевания и места наказания за совершенные преступления, а также как удобного места литературного действия. При этом автор указывает на использование маркизом в своих сочинениях деталей собственного замка в Лакосте. Экстравагантные празднества, устраивавшиеся де Садом в Лакосте, нашли продолжение в торжественных приемах в поместье Иер в Провансе, проводимых его правнучкой Мари-Лор де Ноай (урожденной де Сад).

Красивым завершением как раздела, так и всей монографии выступает седьмая глава, «Русская усадьба во французской прозе: родовая память versus художественная реконструкция (Анна Вяземски из рода Мориаков)», в которой рассказано о внучке Франсуа Мориака писательнице Анне Вяземски (1947–2017) и соединении ею в романе «Горстка людей», посвященном предреволюционным годам в Лотарево, имении ее двоюродного деда Б.Л. Вяземского, родовых преданий и литературных клише об усадебной жизни в дореволюционной России, а также впечатлений от жизни в поместье Мориака, Малабаре.

Один из важнейших результатов работы – демонстрация бесконечного многообразия проявлений и одновременной устойчивости усадебного топоса в европейской, включая и российскую, культуре, по крайней мере до середины XX в. И как источника вдохновения, впечатлений и размышлений, переходивших позднее в литературу, искусство, включая архитектуру, и философию, и как места действия вымышленных персонажей. Это смысловое пространство оказывается причудливо и не всегда предсказуемо связанным в различных своих частях, в том числе географических – обращаем внимание на «странные сближения» между российской и европейской усадебными историями, концентрированно, хотя и не исчерпывающе изложенные автором в Заключение (Дмитриева, 2020, сс. 710–712).

Из недостатков монографии – как же без них – можно отметить недостаточную

точность заглавия. Излишне проблематизированное, оно оказывается много шире и литературных замков Европы, и русского усадебного текста, и нижней хронологической границы 1880-х гг. О заглавии забываешь с росписи содержания. Но масштаб и нетривиальность задачи и, главное, научные результаты искупают этот недочет с лихвой.

Можно пошутить, что наша жизнь никогда не будет прежней. Монография раскрывает перед исследователем русской усадьбы и ее европейских аналогов новые горизонты и устойчивое захватывающее ощущение того, что в очередной раз у нас снова больше вопросов, чем ответов.

REFERENCES

- Dmitrieva E.E., Kupcova O.N. (2008). *Zhizn' usadebnogo mifa: utrachennyj i obreennyj raj. 2-e izd.* Moskva: OGI.
- Dmitrieva E.E. (2020). Literaturnye zamki Evropy i russkij «usadebnij tekst» na izlome vekov (1880 – 1930-e gody). *Seriya «Russkaja usad'ba v mirovom kontekste», 5.* Moskva: IMLI RAN.

Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. (2008). *Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд.* Москва, Россия: ОГИ.

Дмитриева Е.Е. (2020). Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков (1880 – 1930-е годы). *Серия «Русская усадьба в мировом контексте», 5.* Москва: ИМЛИ РАН.

Dmitrieva, E.E. (2020). *Los castillos literarios de Europa y el “texto de finca” ruso de los finales del siglo XIX-principios dl siglo XX (1880-1930). Serie «La finca rusa en el contexto mundial», 5. El Instituto Gorki de Literatura Mundial, la Academia de Ciencias de Rusia, Moscú.*

KONSTANTÍN G. BOLENKO, *State Museum “Estate «Arkhangelskoye»”*
bolenko.kg@arhangelskoe.su

Traducción del ruso al español:

ARINA VASILIEVA, *University of Granada*
vasiljeva.ava@gmail.com

PAOLA RUIZ-DÍAZ, *University of Granada*
paolaruizdiaz99@gmail.com

Received: December 9, 2023.

Accepted: December 9, 2023.

DOI: <https://doi.org/10.30827/meslav.22.29675>

RESUMEN

En la reseña se resume brevemente el contenido de una monografía dedicada a varios aspectos del estudio de las propiedades rurales rusas y europeas, así como los puntos de intersección y divergencia entre ellos. En cuanto a su estructura, el trabajo se compone de varios ensayos temáticamente relacionados que presentan la historia de las propiedades rurales rusas en el contexto europeo y la influencia europea en Rusia, a menudo marcada por la presencia rusa. Uno de los resultados de este trabajo es el descubrimiento de numerosos puntos de intersección, incluyendo aquellos inesperados, entre la historia real y literaria europea y rusa relacionada con las propiedades rurales.

Palabras clave: estudio de las propiedades rurales, castillos, el mito de finca, Rusia, Europa.

ABSTRACT

In the review, the content of the monograph dedicated to various aspects of Russian and European country estate texts, their points of intersection and divergence, is briefly discussed. Structurally, the work consists of several thematically connected essays representing Russian country estate history in a European context, and European history as not only influencing Russia but often marked by Russian presence. One of the outcomes of this work is the discovery of numerous, including unexpected, points of intersection between European and Russian real and literary history associated with country estates.

Keywords: study of rural properties, castles, estate myth, Russia, Europe.

La autora de la quinta edición de la serie «La finca rusa en el contexto mundial», E.E. Dmitrieva es una conocida historiadora de la literatura, doctora en Filología y miembro correspondiente del Instituto Gorki de Literatura Mundial, la Academia de Ciencias de Rusia (2022). E.E. Dmitrieva se dirigió al estudio del fenómeno de la finca rusa y especialmente de su historia literaria y mitología cultural a finales de la década de los noventa. Desde las primeras palabras, la autora explica el génesis de su estudio. Entonces, después de la publicación de la monografía «La vida del mito de finca: un paraíso perdido y encontrado» (Dmitrieva, Kuptsova, 2008), muchas personas le hicieron la pregunta: «¿Había algo parecido en otras culturas? ¿Y si se puede hablar sobre topos de finca en relación con la

© Univesidad de Granada. Este trabajo está licenciado bajo una licencia CC BY-SA 4.0.

literatura europea, o sea, la literatura francesa, alemana, etc.?)» (Dmitrieva, 2020, p. 18). El nuevo libro es considerado por la autora como una continuación lógica y adecuada del anterior. Al comenzar el libro con la pregunta sobre el grado de originalidad de las funciones culturales de la finca rusa y el mito de la finca rusa, la autora pasa casi de inmediato a la conclusión principal: «El estudio de este libro me obligó a revisar significativamente la idea de la singularidad del texto de la finca rusa. O, más precisamente, me obligó a corregirla y encontrar una serie de análogos diferentes (¡oxímoron!) y rasgos comunes del texto de la finca rusa con el de la finca europea occidental» (Dmitrieva, 2020, p. 19). Este «disclaimer» está justificado por la estructura de la monografía que requiere una explicación. Sin negar la idea de originalidad de la finca rusa, Dmitrieva presenta al lector un conjunto de 26 capítulos de ensayos, que es difícil en términos de estructura lógica y asociativa interna, y que debe introducir «la historia de la finca rusa en el contexto de Europa occidental, destacando ciertas constantes en uno y otro» (Dmitrieva, 2020, p. 19). El estudio del contexto extranjero es igual al ruso en número de capítulos, lo que inevitablemente le da un carácter independiente en muchos aspectos. Con todos los reclamos posibles, este enfoque es valioso porque cambia el punto de vista habitual de la mayoría de los investigadores de la finca rusa, reenfocándola del contexto ruso a una escala paneuropea y al mismo tiempo dándole al lector la oportunidad de asimilarse a la nueva realidad.

E.E. Dmitrieva, autora de la quinta edición de la serie «La finca rusa en el contexto mundial», es una reconocida historiadora de la literatura, doctora en Filología y miembro correspondiente del Instituto *Gorki* de Literatura Mundial de la Academia de Ciencias de Rusia (2022). E.E. Dmitrieva se adentró en el estudio del fenómeno de la finca rusa, especialmente su historia literaria y mitología cultural, a finales de la década de los noventa. Desde las primeras palabras, la autora explica el origen de su estudio. Tras la publicación de la monografía «Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай» (Дмитриева, Купцова, 2008) («La vida del *mito de la finca*: un paraíso perdido y hallado» (Dmitrieva, Kuptsova, 2008), muchas personas le plantearon la pregunta: «¿Existía algo similar en otras culturas? ¿Se puede hablar de la presencia de topos de fincas en la literatura europea, como la francesa, alemana, etc.?» (Dmitrieva, 2020, p. 18). El nuevo libro es considerado por la autora como una continuación lógica y apropiada del anterior. Al iniciar el libro con la pregunta sobre el grado de originalidad de las funciones culturales de la finca rusa y su dimensión mitológica, la autora pasa casi de inmediato a la conclusión: «El estudio de este libro me llevó a revisar considerablemente la idea de la singularidad de la imagen de la finca rusa. O más precisamente, me obligó a corregirla y encontrar una serie de “análogos diferentes” (¡oxímoron!) y rasgos comunes entre los discursos que abordan el tema de la finca rusa y los de la finca europea occidental» (Dmitrieva, 2020, p. 19). Este «descargo de responsabilidad» está justificado por la estructura de la monografía, que requiere una explicación. Sin negar la idea de la originalidad de la finca rusa, Dmitrieva presenta al lector un conjunto de 26 ensayos que resulta difícil en términos de estructura lógica y asociativa interna, y que pretende introducir «la historia de la finca rusa en el contexto de Europa occidental, resaltando ciertas constantes en ambos» (Dmitrieva, 2020: 19). El estudio del contexto extranjero tiene la misma cantidad de capítulos que el ruso, lo que inevitablemente le otorga un carácter independiente en muchos aspectos. A pesar de las posibles objeciones, este enfoque es valioso porque cambia la perspectiva habitual de la mayoría de los investigadores de la finca rusa, reenfocándola

desde el contexto ruso a una escala paneuropea y, al mismo tiempo, brindándole al lector la oportunidad de asimilarse a esta nueva realidad. Este «descargo de responsabilidad» se justifica debido a la estructura de la monografía, la cual requiere una explicación detallada. Aunque no se niega la idea de la originalidad de la finca rusa, Dmitrieva presenta al lector un conjunto de 26 ensayos divididos en capítulos que plantean desafíos en términos de su estructura lógica y asociativa interna. El objetivo principal es introducir «la historia de la finca rusa en el contexto de Europa occidental, resaltando ciertas similitudes entre ambos» (Dmitrieva, 2020, p. 19). El estudio del contexto extranjero se desarrolla en una cantidad equivalente de capítulos al contexto ruso, lo cual le confiere un carácter independiente en diversos aspectos. A pesar de las posibles críticas, este enfoque resulta sumamente valioso, ya que modifica la perspectiva convencional de la mayoría de los investigadores de la finca rusa, trasladándola del ámbito ruso a una escala paneuropea y otorgándole al lector la oportunidad de asimilar una nueva realidad.

No hay pretensiones sobre la tipología funcional estricta y la estructura lógica de los capítulos en la monografía (la lógica de las transiciones de un capítulo a otro se describe en la introducción), pero la estructura de ensayos dentro de los capítulos y su colección ilustrativa, de hecho, está equilibrada en términos conceptuales e figurativos.

El libro consta de cinco capítulos: «La finca rusa: antes y después», «Colonias artísticas y casas de campo», «El espacio de iniciación», «Estilizaciones de fincas», «El castillo como mitologema cultural y espacio de creación de vida». No es posible abordar todos sus contenidos en una reseña breve.

En la primera parte de su estudio, la autora se enfoca en investigar los procesos del período po

srevolucionario. En el primer capítulo titulado «Semántica, topos y cronos de la finca rusa», se examina el concepto de la Edad de Oro de la finca rusa. Se pone énfasis en el nuevo resurgimiento cultural de la finca, característico de la época prerrevolucionaria. Se destaca que este resurgimiento, la decadencia y la caída del fenómeno de la finca fueron simultáneos entre sí.

La problemática así acentuada preparará al lector para lo que le espera al leer capítulos posteriores. En primer lugar, introduce en el segundo capítulo, en el que se describe «en qué formas sobrevivió la finca rusa después de la revolución de 1917». Los esfuerzos de los propietarios y representantes del personal de la finca para la conservación de sus interiores y colecciones, fueron compartidos, las autoridades y la élite cultural. Sus actividades permitieron salvar parte de las colecciones de arte, y en algunas fincas crear museos, casas de vacaciones e incluso comunas artísticas. La continuación de la vida de fincas desde finales de la década de 1920 la autora ve en el «intento de reconstruir la vida y el pasado de la finca fuera del territorio de Rusia» y en la «creación de mitos»: sobre las propiedades de la élite cultural en el campo «la finca ya adquiere el estatus de ese valor virtual y no necesita representación física» (Dmitrieva, 2020, pp. 108, 110). Esta idea nos parece una fuerte simplificación: la finca tuvo la capacidad de sobrevivir también porque ella estableció ciertos dominantes en la vida cotidiana y formó ciertas peculiaridades de la percepción del mundo y las formas de socialidad, provocó la aparición de mitos locales, mitos de finca y un círculo de personas cuyos intereses en relación con la finca iban más allá del puro utilitarismo.

El tercer capítulo, dedicado a la finca Log ubicada en el antiguo *uyezd*⁴⁵ de Gdov en la provincia de Pskov, según parece, debe ser una excepción que confirme la regla. Es cierto que esta situación era única. La dueña de la casa desde el primer año del poder soviético demostró una gran flexibilidad: tenía cargo de secretaria del Comité Revolucionario⁴⁶, trabajó como profesora... Pero el factor crucial que impidió la reconstrucción de la casa para cualquier institución fue que un ala de la finca se alquiló como casa de campo y luego fue comprada por la famosa escritora M.V. Yamshchikova (1872-1959, seudónimo – Al. Altaev). No fue opositorista al nuevo gobierno, fue exitosa, y felizmente evitó las represiones. Jugó un papel importante en la preservación de la finca para sus antiguos propietarios. En 1967 en Log se abrió el museo del escritor Al. Altaev. La exclusividad de este caso se destaca por el hecho de que M.V. Yamshchikova dejó recuerdos y epistolarios en los que se describe detalladamente la vida en Log hasta la mitad del XX siglo.

Los capítulos cuarto y quinto son dos historias de la vida de finca fuera de Rusia: la villa de I.A. Bunin en Grasse (Francia) y la villa Senar (Suiza) de S.V. Rajmáninov. Se ven los intentos de preservar las formas de vida de finca rusas y la influencia de nuevas condiciones en la percepción de la vida de finca rusa en la casa de Bunin y la ambición de demostrar «antojos ancestrales de la tierra» en Senar de Rajmáninov (Dmitrieva, 2020, p. 199).

La segunda parte de la monografía «Colonias artísticas y casas de campo» casi completamente está construida sobre material de Europa occidental. Solo los capítulos primero y cuarto tienen una conexión significativa con el tema de la finca en Rusia. «Red House prerrafaelita» (cap. 1) es el intento de W. Morris, uno de los últimos representantes de la Hermandad Prerrafaelita, crear a fines de la década 1850 un grupo de artistas suburbano, «una casa perfecta para una comunidad perfecta de personas reunidas para resolver problemas artísticos comunes» (Dmitrieva, 2020, p. 208). A pesar de su corta duración, el intento tuvo una gran influencia en Rusia, destacada en los experimentos de los propietarios Abramtsev, Talashkin, Bejov, Polenov. El capítulo cuatro, «Los antiguos terratenientes del Molino de Villeneuve: Elsa Triolet y Luis Aragón», es interesante por la historia inesperada de cómo el tema de la finca no solo resultó relevante en la vida de E. Triolet (en los años 1950), sino que también apareció en sus ensayos y en la obras de su marido. La apelación a la vida de la finca y al tema de la finca se convirtió en una forma de vivir y encarnar en el arte los temas inextricablemente relacionados de la memoria y el olvido.

Вторая и третья главы – «В сторону Ворпсведе», тематически продолжающая тему художественных колоний, в данном случае в Германии 1890–1930-х гг., и «Гингеты и Лягушатня: французский паллиатив дачной жизни belle époque», вводящая в монографию тему связи дачной жизни и индустрии досуга на примере парижского пригорода Шату. Особенного внимания заслуживает последняя, дающая материал для сравнения феноменов российской и французской дачи.

Los capítulos segundo y tercero son «Hacia Worpswede», que continúa temáticamente el tema de las colonias artísticas, en este caso en la Alemania de las décadas de 1890 y 1930, y «*Guinguettes* y *Grenouillères*»⁴⁷: el paliativo francés de la vida en la casa de campo *belle*

⁴⁵ Una entidad subnacional en el Imperio ruso.

⁴⁶ Conocido también como *revkom* (ruso: Революционный комитет, ревком).

⁴⁷ Del francés: piscina poco profunda.

époque», que introduce el tema de la relación entre la vida en la casa de campo y la industria del ocio en la monografía sobre el ejemplo del suburbio parisino de Chatou. Este último merece especial atención, ya que proporciona material para comparar los fenómenos de las casas de campo rusa y francesa.

En cuanto a la composición, la tercera parte de la monografía ocupa un lugar central. Esta se titula «El espacio de iniciación» y la constituyen seis capítulos. El autor construye hábilmente la composición de la sección. En términos más sencillos, comienza con la iniciación intelectual (capítulo 1, «El laberinto de Versalles: un programa de autodescubrimiento y perfeccionamiento personal (entre el paisaje y la palabra)»), dedica el siguiente capítulo a la iniciación erótica («Los jardines de la iniciación erótica: una pequeña moda de J. F. de Bastide, las juergas en el parque del Príncipe de Ligne y la Vörlitz más bella del mundo»), antes de pasar al tema de la iniciación social: encontrarse a sí mismo como individuo independiente («El castillo bretón del abate Lamennais, dos novelas y dos novelistas que no se llevaban bien (Stendhal y la duquesa de Durat)»). El autor nunca renuncia a la posibilidad de yuxtaponer lo real y lo literario, pero es en este capítulo donde el entrelazamiento de estos dos espacios alcanza un grado máximo.

Los tres capítulos siguientes, «La misteriosa Sintra», «El Goetheanum de Rudolf Steiner en Dornach: una experiencia de utopía esotérica», «Y de nuevo la búsqueda del Santo Grial: la novela de Julien Gracq “En el castillo de Argol”», están dedicados a diferentes versiones de la iniciación mística y esotérica. Señalemos las «réplicas arquitectónicas» de la Sintra portuguesa recogidas por el autor en Rusia, así como los hechos de la presencia activa de rusos en el Goetheanum.

En la cuarta parte, «Estilizaciones de fincas», los capítulos más interesantes, en nuestra opinión, tratan temas rusos: «Las dos series versallescas de Alexander Benois, dos ensayos sobre Versalles y el ballet Pabellón de Armida: entre estilización e iniciación» (cap. 2) y «Estilizaciones de los cuentos señoriales de Pushkin en la literatura de la Edad de Plata» (cap. 3). Especialmente la primera, que reconstruye las formas de plasmación del tema de Versalles en distintos tipos de arte y en la crítica de arte. El retorno al tema de Versalles, enunciado por primera vez en el primer capítulo de la segunda parte de la monografía, es una de las numerosas «rimas» temáticas, argumentales, factuales y de otro tipo que surgen constantemente en la monografía y conectan las partes de «rompecabezas ensamblados» en «un cuadro más o menos completo» (Dmitrieva, 2020: 29).

El fenómeno del castillo, enunciado como clave en el título de la quinta parte de la monografía («El castillo como mitologema cultural y espacio de creación de vida»), puede resultar confuso, ya que el cuarto capítulo, «La lectura en la casa solariega y el metatexto cultural del *Fausto* de Turguéniev», no tiene nada que ver con él. El capítulo clave, si no programa, de esta sección es el primero, «Los castillos divinos del marqués y su nueva vida en el castillo de la duquesa de Noailles», que analiza detalladamente el motivo del castillo en el célebre Marqués de Sade como lugar de sensualidad, experiencia erótica y vicio, como emblema y necesidad de conquista y castigo por los crímenes cometidos, y como lugar propicio para la acción literaria. Al hacerlo, el autor señala el uso que el Marqués hace en sus escritos de detalles de su propio castillo de Lacoste. Las extravagantes fiestas celebradas por de Sade en Lacoste tuvieron continuidad en las fiestas celebradas en el Hier de Provenza por su bisnieta Marie-Laure de Noailles (de soltera de Sade).

Un elegante epólogo tanto de la segunda parte, como del libro entero lo constituye el séptimo capítulo, «El señorío ruso en la prosa francesa: la memoria del clan frente a la reconstrucción artística (Anna Wiazemsky, de la familia Moriak)». Cuenta la historia de la escritora Anna Wiazemsky (1947-2017), nieta de François Moriak, y la combinación de su novela «El libro de los destinos», dedicada a los años prerrevolucionarios en Lotarevo, la finca de su tío abuelo B.L. Wiazemsky, leyendas ancestrales y tópicos literarios sobre la vida señorial en la Rusia prerrevolucionaria, así como impresiones de la vida en la finca de Moriak, Malabar.

Uno de los resultados más importantes de la obra es la demostración de la infinita diversidad de manifestaciones y la simultánea estabilidad del topos de la finca en la cultura europea, incluyendo la rusa, al menos hasta mediados del siglo XX. Este topos se presenta como una fuente de inspiración, impresiones y reflexiones que posteriormente se plasmaron en la literatura, el arte, incluida la arquitectura, y la filosofía. También se destaca como un lugar donde se desarrollan las acciones de personajes de ficción. Este espacio semántico resulta ser intrincado y no siempre predecible en sus diversas partes, incluso geográficamente. Se pueden observar «extrañas convergencias» entre las historias de la propiedad rusa y europea, como se concentra, aunque no de manera exhaustiva, en la conclusión de la autora (Dmitrieva, 2020, p. 710-712).

De los defectos de la monografía –¡cómo no tenerlos!- podemos destacar la falta de exactitud del título. Demasiado problematizado, es mucho más amplio que los castillos literarios de Europa y el texto señorial ruso, y el límite cronológico inferior de la década de 1880. Pero la envergadura y, lo que es más importante, el carácter original de la tarea, los resultados académicos que compensan con creces esta carencia.

Монография раскрывает перед исследователем русской усадьбы и ее европейских аналогов новые горизонты и устойчивое захватывающее ощущение того, что в очередной раз у нас снова больше вопросов, чем ответов.

Resumiendo, podemos decir, que la monografía abre al investigador de la finca rusa y sus homólogas europeas nuevos horizontes y una emocionante sensación de que, una vez más, tenemos más preguntas que respuestas.

REFERENCES

- Dmitrieva, E.E., Kupcova, O.N. (2008). *Zhizn' usadebnogo mifa: utrachennyj i obretnennyj raj. 2-e izd.* Moskva: OGI.
- Dmitrieva E.E. (2020). Literaturnye zamki Evropy i russkij «usadebnyj tekst» na izlome vekov (1880 – 1930-e gody). *Seriya «Russkaja usad'ba v mirovom kontekste»*, 5. Moskva: IMLI RAN.

- Дмитриева, Е.Е., Купцова, О.Н. (2008). *Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд.* Москва: ОГИ.
- Дмитриева Е.Е. (2020). Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков (1880 – 1930-е годы). *Серия «Русская усадьба в мировом контексте»*, 5. Москва: ИМЛИ РАН.